

С того самого дня, как Сяо Чэ покинул дворец Чжумин, охваченный удушающей бурей гнева, атмосфера в покоях стала ещё более напряжённой.

Прислуга передвигалась на цыпочках, стараясь даже дышать как можно тише.

Се Цинъянь большую часть времени пребывал в забытии. Высокая температура спала, но жизненные силы были подорваны, а нестерпимая боль в изувеченных руках мучила его и днём, и ночью, словно въевшаяся в кости зараза.

Дважды в день приходил лекарь, чтобы сменить повязки. И каждый раз, когда он разматывал слои ткани, обнажая воспалённую, изъязвлённую плоть, А Ин невольно отворачивалась, чтобы скрыть слёзы.

Однако посреди этого гнетущего мрака стали появляться странные, неуместные вещи.

Сначала это был изящный девятизвенный пазл из сандалового дерева. Его положили на подушку рядом с Се Цинъянем. Дерево было тёплым, гладко отполированным и источало тонкий аромат сандала.

Очнувшись, Се Цинъянь задержал на нём взгляд и на мгновение замер.

Очевидно, это не было дворцовой утварью — скорее, игрушкой для городских детей.

Затем появился набор глиняных расписных фигурок двенадцати знаков зодиака — не сказать, чтобы искусной работы, но очень забавных.

У маленькой мышки торчали усики, тигр выглядел грозно, а у кролика были старательно выведены красные глазки. Их аккуратно расставили на низком столике у окна, и в тусклом дневном свете от них веяло простой, живой теплотой.

Позже принесли пару шаров для медитации из отборного белого нефрита — прохладных и гладких, идеально лежащих в ладонь. Жаль только, что руки Се Цинъяня сейчас отзывались острой болью даже при малейшем движении.

А ещё была изящная бамбуковая клетка для канарейки. Внутри не было птицы, зато висел ажурный колодец с красным агатом, переплетённый золотыми нитями. Стоило подуть ветру, как раздавался чистый, звонкий перезвон, нарушавший мёртвую тишину дворца.

Подарки текли рекой.

Говорили, что их доставляли на перекладных прямо с юга: тут были искусно сплетённые из пальмовых листьев кузнечики и богомолы; свиток с картиной «Сто детей радуются весне»,

найденный в закромах Ведомства внутренних дел и нарисованный придворным художником прошлой династии; и даже целая шкатулка из резного лака, наполненная гладкими, разноцветными речными голышами.

Евнух Ван, отвечавший за доставку, каждый раз опускал глаза и говорил лишь одно:

— Его Величество сказал, что господину скучно лежать в постели, вот и решил найти для вас безделушки, чтобы развеяться.

Он был неизменно почтителен, но ни словом не обмолвился о том, сколько сил и средств было потрачено на эти вещи, и уж тем более о том, как император вообще узнал о существовании этих рыночных забав.

А Ин смотрела на эти странные предметы сначала с изумлением, а затем с глубоким замешательством.

Она украдкой наблюдала за реакцией Се Цинъяня. Зная своего господина и его глубокую, вьевшуюся в плоть ненависть и страх перед Сяо Чэ, она ожидала, что тот воспримет эти дары как очередное унижение или символ новой, более изощрённой клетки. Она думала, что он даже не взглянет на них, а то и в ярости разбросает.

Но реакция Се Цинъяня, то есть Шэнь Яня, оказалась совсем иной.

Когда он увидел нефритовые шары, его брови, вечно сдвинутые от боли, едва заметно расслабились, а в глазах промелькнуло любопытство, свойственное Шэнь Яню — современному программисту.

Вещь занятная... должно быть, приятно крутить их в руках? Жаль, что руки пока не слушаются.

Когда ветер заставлял звенеть агатовый колокольчик в клетке, он слегка поворачивал голову, и его затуманенный взгляд следовал за звуком, словно чистота этого перезвона на мгновение проясняла его мысли.

А когда А Ин разворачивала свиток с картиной, на которой беззаботно играли дети, бледные губы Се Цинъяня едва заметно дрогнули в подобии улыбки. Этот стиль рисования был куда живее, чем комментарии к программному коду.

Но больше всего его озадачил и даже позабавил случай с фонарём-кроликом.

Этот фонарь не имел ничего общего с тем жалким бумажным изделием, которое когда-то, согласно воспоминаниям оригинала, он сам подарил маленькому Сяо Чэ!

Этот достигал полуметра в высоту, каркас был выполнен из лучшего сандала, обтянут тончайшим, как крылья цикады, белым шёлком. Глаза кролика были инкрустированы двумя кроваво-красными рубинами, края длинных ушей украшены крошечным жемчугом, а внутри вместо сальной свечи сияла огромная жемчужина, излучавшая мягкий свет. Это был не фонарь, а бесценное произведение искусства!

Глядя на этот ослепительно роскошный фонарь, Шэнь Янь мысленно чертыхался:

Друг мой, у тебя что, совсем нет вкуса? Ты превратил то чистое воспоминание в какую-то демонстрацию богатства! Этот фонарь нужен, чтобы светить или чтобы хвастаться деньгами? Если бы оригинал узнал, во что превратили его бумажный подарок, он бы от возмущения из гроба восстал.

Однако под слоем сарказма зародилось странное чувство.

Сяо Чэ, этот мрачный, жестокий император, который привык решать всё убийствами, сейчас вот так... неловко пытается задобрить его? Или пытается воссоздать тот крошечный огонёк из своих воспоминаний?

Это было пугающе.

Шэнь Янь был обычным парнем, чья жизнь до перемещения состояла из кода и багов, а любовный опыт был чист, как белый лист.

Его первое впечатление о Сяо Чэ — это опасный, холодный, параноидальный тиран с манией контроля.

Но поведение императора в последние дни совершенно не укладывалось в эту схему.

Это он брал силой, это он резал сердце тупым ножом, это он в ярости едва не убил Линь Муе. Но... это же он присылал горы детских игрушек? Это он, будучи в бешенстве после того, как Шэнь Янь пытался себя сжечь, пощадил Линь Муе, опасаясь, что причинит боль самому Шэнь Яню? И это же он, прижимаясь лбом к его лбу, со слезами на глазах шептал о прошлом в Холодном дворце, пока его горячие слёзы падали на ладонь Шэнь Яня...

Такой контраст сводил с ума, словно вирус в идеальной логической цепочке программиста.

Он пытался рассуждать рационально: одержимость Сяо Чэ — это проекция детской травмы. Он добр к нему, потому что видит в нём замену тому, прежнему Се Цинъяню. Он дарит эти вещи, чтобы восстановить символ своего тепла. Он пощадил Линь Муе, потому что боится потерять этот символ — это лишь иная форма собственности.

Всё это понятно. Но...

Когда А Ин в очередной раз принесла парчовую шкатулку, внутри оказался кулон из бараньего жира — нефрита редкой чистоты. На лицевой стороне было вырезано изящное имя Янь, а на обороте — кривовато выведенный, незаконченный иероглиф Чэ. Рядом виднелись царапины, следы неудачных попыток.

Евнух Ван тихо добавил:

— Его Величество... вырезал сам. Сказал, что мастерства не хватает, просил господина не судить строго.

Се Цинъянь смотрел на кулон, на этот криво вырезанный иероглиф.

Представив того самого мужчину на троне, от чьего слова зависели тысячи жизней, как он неуклюже держит резец, пытаясь выдолбить знак на твёрдом камне... Шэнь Янь почувствовал, как его непробиваемая броня дала трещину.

К ушам прилила необъяснимая жара. Он резко отвернулся к окну.

— Господин? — обеспокоенно позвала А Ин.

Се Цинъянь закрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь подавить странное, пугающее волнение.

Он заставлял себя вспомнить жестокость Сяо Чэ, вспомнить Линь Муе, гниющего в тюрьме Тяньлао, свои искалеченные руки... Но кулон, фонарь, горячее прикосновение лба и отчаянный шёпот — всё это въедалось в память, как вирус.

Чёрт возьми, это неправильно!

Шэнь Янь внутри себя включил сирену тревоги.

Я Шэнь Янь! Я натурал! Как я могу жалеть тирана? Или находить его... милым?! Это точно эффект подвешенного моста! Психологическая уязвимость после травмы! Это всё остатки чувств того, прежнего Се Цинъяня!

Он пытался вооружиться гневом.

Но когда он снова посмотрел на кучу этих безделушек, на роскошный фонарь, в его глазах, ставших такими спокойными от боли, на мгновение промелькнула едва уловимая улыбка.

Она исчезла в ту же секунду, но А Ин, следившая за каждым его движением, заметила её.

В её душе поднялась буря.

Господин... улыбнулся подаркам императора? Пусть слабо, пусть на секунду, но это была улыбка! Не холодная усмешка, не насмешка, а что-то... почти беспомощное и даже тёплое? Как это возможно?!

В тот момент, когда Се Цинъянь боролся с собственными мыслями, евнух Ван вернулся, и на этот раз его лицо было крайне серьёзным.

— Господин, — прошептал он, и в его голосе слышалась дрожь, — когда я перебирал сборник писчей бумаги Десять бамбуковых студий, присланный Его Величеством, я нашёл это в переплёте.

Он осторожно достал из рукава крошечный предмет, завернутый в промасленную бумагу.

А Ин приняла его и развернула. Внутри лежал тонкий, как крыло цикады, кусочек нефрита размером меньше ногтя. Он был жуткого сине-чёрного цвета, с острыми краями, на которых едва виднелся выгравированный искажённый символ, источающий холодную, зловещую ауру.

— Похоже на южное проклятие... — голос евнуха Вана дрожал от страха. — Спрятано так искусно... Боюсь, кто-то воспользовался случаем, чтобы пронести это во дворец и навредить господину!

В покоях воцарилась гробовая тишина.

Недавнее тепло, едва зародившееся в сердце, мгновенно сковало ледяным холодом.

Се Цинъянь смотрел на зловещий кусочек нефрита, и его взгляд стал холодным и острым, как бритва.

Подарки Сяо Чэ были мёдом, но в них вполне могла быть спрятана смертельная отравка. Под маской дворцового тепла невидимые стрелы никогда не прекращали полёт.

Защитные стены, которые только начали рушиться, мгновенно выросли вновь — ещё выше и холоднее, чем прежде.

<http://bllate.org/book/20749/2080023>